

Глава 5

Воссоединение

— Я слышал, вы, Смотрители, — особенные? — Ван лежал у края детской кровати, положив подбородок на простыню, рядом с куклой, которую до неузнаваемости смяла в своих объятиях девочка.

— Мы не особенные. Мы просто выглядим пугающе, — ответил Тао Фаньи. Его искажённое лицо сейчас не могло выражать никаких эмоций.

— Да ладно, вы — самая таинственная группа в Управлении. Взять хотя бы тебя, — голова Вана слегка покачивалась вверх-вниз, что означало, что он разглядывает Тао Фаньи. — Вот ты, например. Кем ты был до того, как стал этой тряпичной куклой?

— Деревянной куклой-марионеткой, — ответил Тао Фаньи.

— Я не спрашиваю об истории развития вашего отдела, — махнул рукой Ван. — Я спрашиваю о тебе. Какое у тебя прошлое?

— Очень, очень длинное прошлое, — серьёзно ответил Тао Фаньи, но в ушах Вана это прозвучало как отговорка.

— А твои враги? Ты кого-нибудь убивал? — понизил голос Ван, и в нём снова появился тот неприятный, скрежещущий оттенок. — Или, может, ты кого-нибудь предавал?

Тао Фаньи промолчал.

Ван усмехнулся. Его тихий смех, казалось, отдавался ударами в самое сердце.

— Дитя, — вдруг очень серьёзно произнёс Тао Фаньи.

Уголки губ Вана растянулись ещё шире. Он понял, что задел Тао Фаньи за живое.

— Не у всех, кто долго живёт, была бурная жизнь, — с беспомощностью вздохнул Тао Фаньи. — Во мне нет столько глубоко запрятанной боли, которую стоило бы раскапывать. Я ничем не отличаюсь от обычных нелюдей.

— Не отличаешься? — Ван всё ещё слышал обиду того призрака. — А может, ты — свирепый призрак, затаившийся в Управлении, и твоя нынешняя работа по запугиванию детей — это лишь прикрытие?

Его палец ткнул в лицо Тао Фанъи.

— На самом деле ты — главный злодей.

Тао Фанъи: ...

— Хе-хе-ха-ха, — он не сдержался и рассмеялся.

— Ты скрываешься? — Ван решил, что это маскировка.

Тао Фанъи продолжал смеяться.

Его голос постепенно менялся с ясного на низкий. Он, видимо, и сам заметил это изменение, кашлянул пару раз, пытаясь вернуться к прежнему тону, но не сдержался и, фыркнув, рассмеялся уже своим настоящим голосом.

— Ты всё это время говорил фальцетом? — Вану показалось, что прежний голос Тао Фанъи принадлежал неопытному юноше, а нынешний был таким низким, что у него, казалось, вибрировали барабанные перепонки.

Девочка, обнимавшая Тао Фанъи, что-то пробормотала во сне, и тот тут же замолчал.

Ребёнок, обняв куклу, перевернулся на другой бок, лицом к окну.

Ван обошёл кровать.

— Ты — ужасающая кукла, привыкшая к маскировке, не так ли?

Тао Фанъи не ответил. Он прислушался к сердцебиению девочки и, убедившись, что она крепко спит, ответил ещё тише:

— Мой настоящий голос не очень подходит к этому образу.

— Красивой аниме-кукле не идёт грубый голос взрослого мужчины, — пояснил Тао Фанъи.

— А это аниме? — Вану так не показалось.

— Я не знаю. Я ещё не разобрался в определении «аниме», — Тао Фанъи знал лишь то, что это что-то новое и популярное среди детей. Он очень хотел быть в тренде, но всё это было для него слишком сложно, а новые вещи он усваивал медленнее других.

— Послушай, Ван, моя жизнь действительно очень, очень скучная. В ней не было грандиозных битв добра со злом, и я никого не предавал, — Тао Фанъи забеспокоился, что буйная фантазия Вана может навлечь на него новые неприятности. — Я просто пришёл сюда собирать страх. Это моя работа.

Ван ненавидел слово «работа».

— Ваш способ сбора страха — это разве не запугивание? А сейчас ты, по-моему, просто нянчишься с ребёнком.

— Потому что у каждого ребёнка свой порог страха. Чтобы не нанести ему психологическую травму, я должен сначала изучить его характер, а потом разработать подходящий план, — некоторые дети были слишком пугливы, их легко было довести до нервного срыва. А некоторые принимали ожившую ужасающую куклу за какого-нибудь эльфа и совсем не боялись.

— Скука, — Ван ненавидел такую работу, особенно когда приходилось иметь дело с детьми.

Он немного подождал и снова спросил:

— А может, ты предал кого-то, сам того не зная?

— Неосознанное предательство — это разве предательство? — Вану показалось это смешным.

— А почему нет?

— Ты имеешь в виду, что я предал кого-то, не нарушив при этом никаких законов? — Тао Фанъи считал, что это невозможно. — Даже если такое и случилось, это было бы лишь самонадеянным предательством в голове у того, другого.

— По закону — нет, а по совести? — продолжал допытываться Ван.

— Тут я не уверен, это слишком широкое понятие, — Тао Фанъи не стал говорить категорично. — Но лично я не испытываю никаких терзаний по поводу своего «предательства», так что для меня его не было.

Та обида снаружи была так сильна, что готова была поглотить Тао Фанъи. И Ван чувствовал, что сила того существа была огромной. Такое существо не могло не оставить в памяти Тао Фанъи ни малейшего следа.

Значит, Тао Фанъи определённо врал.

Тот свирепый призрак не торопился действовать, а от Тао Фанъи Ван не мог добиться никакой полезной информации.

Оставалось лишь ждать развития событий.

«Постойте-ка».

«Чем я сейчас отличаюсь от Тао Фанъи, изучающего характер ребёнка?»

Из горла Вана вырвался тихий рык.

Тао Фанъи тихо спросил:

— Тебе нехорошо?

— Я раскрыл твой секрет, — только и сказал Ван, после чего замолчал.

Он оказывал на Тао Фанъи психологическое давление.

Тао Фанъи немного подумал и похвалил:

— Ты такой умный.

Ван не ответил.

«Эта кукла вообще поняла мою угрозу? Почему мне кажется, что она подыгрывает мне в какой-то детской игре?»

Тао Фанъи тоже больше ничего не говорил.

Ван вёл психологическую войну с этой полной тайн ужасающей куклой, а Тао Фанъи отчаянно хотел узнать, что же случилось с его предыдущим объектом.

Но та, очевидно, не собиралась появляться на следующий день. Первоочередной задачей Тао Фанъи по-прежнему было изучение девочки по имени Жэнь Синьсинь.

Для четырёхлетнего ребёнка она была на удивление послушной.

Она сама убирала свои игрушки, заботливо приносила веник, если кто-то разбивал посуду, и в

первую очередь беспокоилась о своих родных.

У неё был стабильный режим дня: она рано ложилась и рано вставала, и даже сама заправляла постель.

Девочка находилась в периоде, когда порядок был для неё особенно важен, и не любила, когда взрослые делали за неё слишком много.

Поход в детский сад она, кажется, воспринимала как работу взрослых, а Тао Фанъи стал для неё ребёнком, о котором нужно было заботиться.

Она должна была хорошо вести себя в детском саду, иначе у Тао Фанъи не будет еды.

И каждый раз перед уходом она просыпалась пораньше, рисовала на бумаге сегодняшний обед для Тао Фанъи, потом гладила куклу по голове и, закинув на плечи свой «портфель» с мультяшными блёстками, отправлялась на работу.

Вану было невыносимо скучно. Тот призрак не действовал, а Тао Фанъи не выдавал себя ничем.

Единственным развлечением Вана в последнее время было угадывать, что за еду изображает эта разноцветная мазня.

— Её легко напугать, — пришёл к выводу Тао Фанъи. Он уже провёл небольшой тест с другими игрушками.

Жэнь Синьсинь заметила, что её игрушки меняют положение, когда она отворачивается. Она очень быстро это поняла, гораздо быстрее, чем ожидал Тао Фанъи.

После этого её очки страха резко подскочили, едва не превысив критическую отметку.

Девочка действительно испугалась.

А потом ту игрушку она разнесла вдребезги.

Силы ей тоже было не занимать: она подняла маленький столик и им размозжила игрушку.

— В этой жизни в ней сохранились черты из прошлой. Как травоядное, она легко пугается, а испугавшись, с определённой вероятностью впадает в боевое состояние, — «Немного проблематично».

— Значит, ты не сможешь её напугать? — спросил Ван.

Палочки Тао Фанъи как раз оказались у его рта. Ван откусил.

— Фу! Шпинат! Почему этот ребёнок так любит овощи?

— Просто немного проблематично. Нельзя использовать традиционные методы запугивания, придётся быть осторожнее, — Тао Фанъи и сам попробовал. — По-моему, овощи лучше сладкого.

— У меня другое мнение, — Ван ненавидел овощи.

— Но за эти дни я заметил, что ты, на самом деле, тоже очень хороший призрак, — Тао Фанъи вдруг сменил тему. — Хотя ты, кажется, и ненавидишь всё на свете, но ничего разрушительного не делаешь. Иногда ты на удивление послушен.

Ван:

— ...Твоя похвала заставляет меня желать смерти, — его план был другим.

— Если ты считаешь меня хорошим, может, снимешь с моей шеи этот собачий ошейник? — Ван указал на красный обод на своей шее.

— Нельзя. Свирепые призраки всё-таки представляют определённую опасность, и я не уверен, что ты не притворяешься послушным, — покачал головой Тао Фанъи. — Но я могу помочь тебе расследовать твоё прошлое, найти того, кто тебя убил.

Внешность Вана была такой ужасающей. Наверняка он пережил много жестоких нападений.

Ван был в отчаянии.

За эти дни его настоящее тело так и не смогло выяснить, что это за красный обод. Конечно, у их отдела не было права запрашивать информацию об особых инструментах Девятнадцатого уровня тюрьмы.

Он пытался выяснить окольными путями, но не получил нужного ответа.

Ни один инструмент не оставлял на шее татуировку в виде кольца.

Ван хотел поискать на форуме коллег из Девятнадцатого уровня тюрьмы, но узнал, что эти люди даже при печати текста умудрялись добавлять немного ужасающего баффа, поэтому они вообще не пользовались форумом.

«Значит, этот отдел такой таинственный, потому что его все избегают?»

«Неудивительно, что Тао Фанъи не хотел смотреть форум».

Щёлк. Открылась входная дверь.

Тао Фанъи, услышав звук, повернулся к двери.

Раздался голос Ян Хунлин:

— Теперь это твой дом. Дядя Жэнь ещё на работе, не смог тебя встретить.

Ей никто не ответил. Две пары шагов направились в соседнюю комнату.

Ян Хунлин продолжала:

— Это твоя комната. Нравится? Дядя Жэнь хотел покрасить стены в розовый, но я сказала, что тебе может не понравиться, так что пока оставили так. Посмотри, какой цвет тебе нравится, мы можем всё переделать.

Тао Фанъи подбежал к двери своей комнаты и прижался к ней головой.

Он услышал глухой ответ:

— ...И так хорошо, спасибо.

Ян Хунлин на мгновение замолчала, а потом, скрывая неловкость за смехом, сказала:

— Я же твоя мама, за что ты меня благодаришь?

Девочка не ответила.

Ян Хунлин продолжала показывать ей комнату, а потом и всю квартиру.

Тао Фанъи приоткрыл дверь и выглянул наружу.

На обеденном столе стояло ведро с жареной курицей. Ян Хунлин, показав девочке квартиру, повела её к столу.

Она без умолку болтала, просила девочку успокоиться, отдохнуть, спрашивала, не хочет ли она пойти купить новую одежду, потому что её туфли казались ей малы.

А девочка всё это время молчала. Её ответом всегда было «не надо», которое под настойчивостью Ян Хунлин превращалось в тихое «угу».

Тао Фанъи смотрел на её похудевшее, поникшее лицо и чувствовал себя странно.

— Ну, хоть характер у ребёнка хороший, вряд ли будут серьёзные конфликты, — Ван видел, что девочка не ненавидит свою мать и, похоже, не собирается воевать с этой семьёй.

□Она раньше была другой,□ — сказал Тао Фанъи.

— Подростки всегда немного меланхоличны, — Ван мог это понять. — У всех детей бывает переходный возраст.

Ян Хунлин заговорила со девочкой о школе. Кажется, та переехала сюда из-за того, что пошла в среднюю школу.

И по мере того, как их разговор развивался, или, скорее, Ян Хунлин видела хоть какую-то реакцию от девочки, она решилась затронуть запретную тему — смерть отца Ли Яо.

Только тогда Тао Фанъи узнал, что отец Ли Яо погиб в автокатастрофе, когда ей было семь лет.

Бабушка Ли Яо заботилась о внучке в их родном городе, а Ян Хунлин уехала на заработки.

Потом она встретила своего нынешнего мужа, они полюбили друг друга и стали жить вместе.

Бабушка Ли Яо это поддержала. У неё и так были хорошие отношения с Ян Хунлин, и, узнав, что та смогла пережить эту трагедию, она испытала смешанное чувство горечи и радости.

Наверное, она радовалась, что хоть кто-то смог вырваться из этого удушающего горя.

Когда речь зашла об этом, Ли Яо почти не отреагировала.

Ян Хунлин замолчала. Она поджала губы, готовясь, и наконец задала тот самый вопрос:

— Ты ненавидишь маму?

Ли Яо покачала головой.

Когда и Ян Хунлин, и Ли Яо замолчали, Ван вдруг сказал:

— По крайней мере, в этой трагической истории нет злодеев, от которых скрежещешь зубами, не так ли?

Ян Хунлин встала.

— У мамы в обед мало времени, мне нужно возвращаться на завод. Ты побудешь одна дома, хорошо?

Ли Яо кивнула.

Так и не получив словесного ответа, Ян Хунлин всё же с улыбкой сказала:

— Ешь, а вечером мама приготовит ужин.

После её ухода Ли Яо молча, маленькими кусочками ела жареную курицу.

Дети её возраста должны были любить такую калорийную еду, но она, казалось, была где-то далеко.

Ван, подперев голову рукой, наблюдал за ней.

Но, наблюдая, он вдруг понял, что что-то не так.

«Эта девчонка, кажется, косится на меня?»

— Эй, ты меня видишь? — Ван встал и подошёл к Ли Яо.

Ли Яо не отреагировала, но её тело начало дрожать.

— Ты точно меня видишь! — усмехнулся Ван, но не успел продолжить, как почувствовал, что красная «собачья удавка» на его шее снова затянулась.

Ван бросил злобный взгляд в сторону щели в двери, а потом резко дёрнул в противоположную сторону, вытащив прятавшуюся за дверью куклу.

Ли Яо ахнула.

Тао Фанъи: ...

«Провал! Моя миссия!»

«С меня снимут очки!»

Теперь главное — успокоить Ли Яо.

Тао Фанъи посмотрел на злорадно ухмыляющегося Вана и быстро принял решение.

Он резко вскочил, достал свой портфель и поправил лямки комбинезона.

Затем он запрыгнул на стол и протянул круглую руку к Ли Яо, которая делала вид, что ничего не видит.

— Мы знакомы. Моё настоящее имя — Тао Фанъи, но раньше ты звала меня Хуху.

Ли Яо не ответила.

Ван расхохотался.

— Хуху?! Ха-ха-ха!

Тао Фанъи положил портфель на стол, открыл его и, порывшись, наконец нашёл фотографию.

На ней была семья из трёх человек: мужчина с неловкой улыбкой, сияющая Ян Хунлин и Ли Яо, которая смеялась так, что были видны все её зубы.

Это была маленькая Ли Яо.

— Эта обезьянка на липучке, которую ты обнимаешь, — это я, — пояснил Тао Фанъи.

— Но ты же тогда был обезьянкой, почему тебя звали Хуху? — не понял Ван.

— О, потому что в детстве она любила смотреть документальные фильмы, и всё вокруг неё было из рода тигров, обезьянка — не исключение, — Тао Фанъи достал из портфеля ещё одну вещь.

Это была винограда из пластилина, уже потрескавшаяся от времени.

— Это ты меня угостила.

— Тогда ты была слишком маленькой, всего четыре года, и, возможно, уже не помнишь, — сказал Тао Фанъи. — Откуси кусочек, и вспомнишь.

Ван:

— Она даже не посмотрит на тебя.

Ли Яо:

— Мне нужно съесть пластилин?

Ван:

— А?! Почему ты с ним разговариваешь?

Ли Яо всё ещё дрожала от страха, её глаза покраснели, плечи сжались, но она не отрывала взгляда от фотографии в руках Тао Фанъи.

— Не нужно. Просто понарошку, как в детстве, — пояснил Тао Фанъи.

Ли Яо явно сомневалась, но не колебалась долго. Она сделала вид, что ест, и легонько прикусила пластилиновую виноградину.

Она действительно почувствовала вкус винограда.

А вслед за ним нахлынули воспоминания.

Слёзы хлынули из глаз Ли Яо.

Она увидела себя, прежнюю себя, ту, к которой она уже никогда не сможет прикоснуться.

Тао Фанъи хотел было объяснить, зачем он тогда пугал её, но Ли Яо крепко обняла его.

— Ох! — ватное тело Тао Фанъи сплющилось. Он почувствовал, как крупные слёзы падают на него.

«Она больше его не боится?»

— Все ушли, — всхлипывая, сказала Ли Яо. — Все ушли!!

Мама ушла, потому что она слишком устала, ей было слишком тяжело, ей пришлось со многим столкнуться.

То, что она ушла, — это хорошо...

...Да, это хорошо. Дядя Жэнь — хороший человек, у мамы и дяди Жэня новая семья, у них родился милый ребёнок.

В их родном городе постепенно перестали упоминать того, кто умер. Друзья отца постепенно перестали появляться.

Дедушка умер ещё до рождения Ли Яо.

Бабушка тоже недавно ушла.

Ли Яо знала, что так бывает, что людей забывают, что у всех есть право на новую жизнь.

Она снова и снова читала в учебниках о жизни и смерти. Стихи, которые когда-то так трогали её, теперь, казалось, не могли выразить и сотой доли её чувств.

Наверное, чувства в тех стихах были слишком сильными, а она онемела, как дерево, вросшее корнями в землю и неспособное сдвинуться с места.

— Почему они все идут вперёд! — Ли Яо обнимала игрушку из своего детства. — Они все хорошие, никто не виноват, но... но...

Она замолчала.

Потому что не знала, что сказать дальше. Если все хорошие, то зачем нужно это «но»?

Да, не нужно.

Ли Яо уткнулась лицом в куклу и разрыдалась.
